

И. П. Матханова, Е. П. Таргонская

*Новосибирский государственный педагогический университет
ул. Вилуйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия*

matkhanova@mail.ru, targilena@yandex.ru

МОДАЛЬНО-ТЕМПОРАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖАНРА ДОГОВОРА В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

Авторы статьи развивают идеи К. А. Тимофеева о транспозиции видовременных форм глагола и В. М. Живова о режимах интерпретации в юридических кодексах.

Прослежено, как режим интерпретации, характерный для юридических актов разной хронологической принадлежности, влияет на транспозицию временных форм. Для анализа привлекаются тексты современных договоров, а также фрагменты «Русской правды» и юридических актов XIV–XVII вв. (договорного вида). Выявляются специфические черты современного жанра договора, который обладает определенным «грамматическим каркасом»: для него характерна реальная (потенциальная) модальность, темпоральная сфера будущего, независимо от употребляющихся в нем форм, так как договаривающиеся стороны уверены в исполнении условий договора. В договоре существует особая точка отсчета для упоминаемых действий – время его подписания, после которого и будут осуществляться все названные действия, которая взаимодействует с прототипической точкой отсчета категории времени – моментом речи. Особый режим интерпретации предопределяет отбор, доминирование и модификацию дейктических языковых средств, к которым относятся время и модальность.

В работе намечаются черты постепенного складывания подобных режимов интерпретации, характерных для древних юридических кодексов и договорных грамот более позднего периода. Эти тексты свидетельствуют не только о стабильности, клишированности деловой документации, благодаря чему в них гораздо дольше сохраняются формы, считающиеся утраченными, но и о формировании определенного грамматического каркаса, позволяющего судить о транспозиции видовременных форм без специальных лексических показателей.

Типичной семантической сферой, выступающей средой для выражения потенциальной модальности реального условия в договоре, является сфера будущего времени. В современном договоре употребляются сложные и простые формы будущего времени, но наиболее характерно использование форм настоящего в значении будущего, возможны формы прошедшего времени в значении будущего, а также футуральная интерпретация нефинитных форм глагола. Отмечено, что древние формы сложных будущих времен сохраняются и выполняют свою функцию в жанре договора, а в современном договоре формы прошедшего времени наряду с темпоральной выполняют и таксисную функцию.

Режим интерпретации предопределяет выбор глагольных форм, их семантическую интерпретацию, транспозицию, а также ограничения на употребление форм.

Ключевые слова: жанр договора, реальная и потенциальная модальность, темпоральный ключ текста, режим интерпретации, функционирование глагольных форм.

В своих научных трудах К. А. Тимофеев неоднократно обращался к характеристике временных форм в различных языках, в том числе и к явлению транспозиции. Так, он писал: «Категория времени – одна из самых сложных категорий русского языка. Эта категория, как и многие другие, имеет своим источником реальные отношения, она отражает в своих формах временные соотноше-

ния между явлениями». Далее отмечается особая роль сознания и восприятия человека в «перемещении форм глагола из одной временной сферы в другую» [Тимофеев, 1999]. Это положение представляется актуальным в связи с современной трактовкой временных форм при разных режимах интерпретации, например, в работах Е. В. Падучевой, определяющей режим интерпрета-

Матханова И. П., Таргонская Е. П. Модально-темпоральная характеристика жанра договора в синхронии и диахронии // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 2: Филология. С. 50–55.

ции как контекст, необходимый для понимания эгоцентрических элементов языка – грамматических категорий, слов и конструкций [1996. С. 265–266]. В качестве основных режимов интерпретации принято выделять диалогический (речевой) и нарративный.

В. М. Живов указывает на возможность существования и других режимов интерпретации, в которых «грамматические параметры могут быть в полной мере вовлечены в лингвистические ожидания адресата сообщения и обусловлены характером самого сообщения» [2008. С. 313]. Особым режимом интерпретации, отличающимся, по его мнению, от речевого и нарративного, обладают юридические кодексы.

Проследим, как режим интерпретации, характерный для юридических актов разной хронологической принадлежности, влияет на транспозицию временных форм. Для анализа привлекаются тексты современных договоров¹, а также «Русская правда» и юридические акты XIV–XVII вв. (договорного вида).

Словари определяют *договор* как «письменное или устное соглашение, условие о взаимных обязательствах» [МАС, 1997. С. 415]. Договор обладает определенным «грамматическим каркасом»: для него характерна реальная (потенциальная) модальность, темпоральная сфера будущего, независимо от употребляющихся в нем форм, так как договаривающиеся стороны уверены в исполнении условий договора. Потенциальная модальность связана прежде всего с той сферой реальной модальности, которую А. В. Бондарко определяет как «реальность непережитую» [1990. С. 75]. Таким образом, здесь тесно связаны модальный и временной планы текста.

Важным для описания модально-темпоральных характеристик текста договора является роль в нем семантики условия, не случайно в XIX в. слово *договор* заменялось словом *условие* [СС, 1975. С. 293].

Характеризуя условные конструкции (УК), В. С. Храковский отмечает, что в УК

условие и следствие рассматриваются «по отношению к миру не как действительные, а как возможные или невозможные», что составляет их универсальный отличительный признак. Из двух значений, характерных для УК – реальной, выполнимой возможности и нереальной, невыполнимой возможности в договоре в силу экстралингвистических факторов реализуется лишь первая. Ср.: *При нарушении настоящего договора одной из сторон он может быть досрочно расторгнут другой в одностороннем порядке, противоположная сторона уведомляется заказным письмом* (Договор о представительстве фирмы); *В случае выхода автомобиля из строя по вине Арендатора, Арендатор обязуется принять меры к приведению автомобиля в технически исправное состояние* (Договор на представление в арендное пользование личного легкового автотранспорта). Еще одним существенным моментом является тот факт, что «локализация и условия и следствия в будущем в ситуации, когда условие предшествует следствию, в наибольшей степени благоприятствует осуществлению реальной, т. е. выполнимой возможности» [Храковский, 1998. С. 41]. Как вытекает из приведенной характеристики, семантика условия связана не просто с реальной модальностью, а с модальностью потенциальной, так как договор фиксирует действия возможные, а не осуществившиеся или осуществляющиеся.

Ситуация возможности, одна из разновидностей потенциальной модальности, по Е. И. Беляевой, обладает следующим соотношением ролей: субъект предметной ситуации является одновременно субъектом волюнтаривности, от воли которого зависит реализация потенциальной ситуации [1990]. Это полностью отражает специфику договора, в котором оба субъекта действия являются одновременно субъектами волюнтаривности, причем их действия характеризуются взаимными обязательствами. Например: *По взаимному согласию Стороны могут изменять и дополнять перечень услуг, перечисленных в п. 1.1 (договор транспортно-экспедиторского обслуживания); Срок аренды будет продлен на последующие 10 лет, если ни одна из сторон не заявит о своем намерении расторгнуть настоящий Договор не позднее, чем за 6 месяцев до истечения срока его действия* (Договор аренды).

¹ В работе используется ряд примеров из: Весенко А. Г. Языковые средства выражения футуральной направленности в древнерусском и современном русском языке (на материале договоров): Курсовая работа (рукопись). Новосибирск, 2010. 40 с.

Что касается средств выражения потенциальной модальности, то можно говорить и о дискретном (при помощи лексем *мочь, должен, возможно* и т. п.), и о недискретном выражении возможности формами будущего времени или других времен при транспозиции.

Для договора характерно сочетание внутренне и внешне детерминированной возможности, что обусловлено, с одной стороны, способностью субъекта выполнять взятые на себя обязательства, а с другой – таким внешним обстоятельством, как юридические нормы «общества, которые распространяются на сферу субъекта в силу его принадлежности к определенному социуму» [Беляева, 1990. С. 132].

Итак, наилучшим недискретным средством, приспособленным для выражения потенциальной модальности реального условия в договоре, является сфера будущего времени.

В договоре употребляются сложные и простые формы будущего времени, ср.: *Настоящий договор будет способствовать созданию более благоприятных условий для занятости Работников* (Коллективный договор ФГУП «Почта России»); *Работодатель обеспечит нормальную продолжительность рабочего времени работников, занятых на основном и вспомогательных производствах* (Там же). Однако характерным является употребление форм настоящего в значении будущего, не подкрепленное соответствующими лексическими показателями: *Если объект становится по вине Арендатора непригодным для использования по назначению ранее полного амортизационного срока службы, то Арендатор возмещает Арендодателю недовнесенную арендную плату* (Договор субаренды). В связи с этим интересно обсудить функционирование глаголов *обязуется* и *гарантирует* с точки зрения их интерпретации как перформативов, ср.: *Исполнитель обязуется осуществить гарантийную поддержку разработанного им программного обеспечения в течение 6 мес. после сдачи-приемки работ* (Договор о намерениях). В этом случае транспозиция не осуществляется и словоформы *обязуется* и *гарантирует* и называют, и совершают действие, актуальное в момент подписания договора.

Редко, но возможны формы прошедшего времени в значении будущего: *Если сторо-*

ны не обсудили вопрос о продлении действия Договора, то он автоматически про-длевается на срок 3 года (Коллективный договор ФГУП «Почта России»). Отметим, что и нефинитные формы глагола передают значение будущего времени: *Обязанности Арендодателя: Передать Арендатору Объект не позднее пяти дней с даты вступления договора в силу по акту сдачи-приемки...; В месячный срок рассматривать обращения Арендатора по вопросам изменения назначения Объекта, а также его ремонта и переоборудования* (Договор субаренды, раздел «Обязанности сторон»).

Это связано с тем, что в договоре существует особая точка отсчета для упоминаемых действий – время его подписания, после которого и будут осуществляться все названные действия. Итак, особый режим интерпретации предопределяет отбор, доминирование и модификацию дейктических языковых средств, к которым относится и категория времени.

Формирование подобного режима интерпретации можно проследить в диахронии. Отметим, что в разных типах юридических актов интерпретации несколько различаются. Так, В. Живов отмечает, что в «Русской Правде» казусы и их разрешение описываются как вневременные зависимости и в принципе допускается варьирование временных форм, не несущее семантической нагрузки. Первый член может, например, формулироваться как *убил муж мужа*, или *убьет муж мужа*, или *убивает муж мужа*, и смысл от этого не меняется. В «Русской Правде» повсеместно встречаются формы будущего времени: *Оже ли утнеть руку, и отпадет рука либо усохнет, то 40 гривен* [2008. С. 314].

Вместе с тем часто встречаются формы, которые трудно отнести к будущему времени или к настоящему неактуальному: *Или холоп ударить свободна мужа, а ббжитъ въ хоромъ, а господинъ начнет не дати его, то холопа пояти, да платить господинъ на нь 12 гривнѣ...* (РП, 17). В этом же контексте, как мы видим, встречается и форма будущего сложного *начнет не дати*. Отдельно следует остановиться на использовании преждебудущего времени: *А иже крадетъ либо конь, либо волю, или клѣтъ, да аще будетъ единъ кралъ, то гривну и тридесать рѣзанъ платити ему...* (РП, 31).

В юридических актах договорного типа, относящихся к более позднему времени, темпоральная характеристика текста иная. Сохраняется указание на казус в первой части документа, который передается при помощи формы перфекта *пожаловал есми, меняли есмя, занял есми* для фиксации исходной ситуации, которая затем развивается с указанием на действия, которые должны будут произойти в случае изменения условий соглашения или дальнейших, возможно, непредвиденных событий во второй части.

С течением времени при описании будущих действий упрощения выражения футуральности в памятниках деловой письменности не происходит, встречается целый спектр временных форм. Используются формы простого будущего: *А продам яз то свое свое згодье, или отдам кому ни буди... и на мне, на Степане, и игуменская пеня, что игумен укажет* (Акты, № 867) и сложного будущего: *А учну яз воровством воровати, или не учну дворового оброку в монастырь платити, и двора не учну поделывати...; а кому будет чего искати* (Акты, № 866), причем встречаются формы преждебудущего, которое в других случаях уже утратилось.

Как и в современных договорах, частотное употребление форм настоящего времени в значении будущего, которое воспринимается таким образом благодаря существующему для этого типа документов особому режиму интерпретации: *ни коня моего не кормят, ни сѣнь моих не косят, и их тивуни не судят монастырских людей, ни кормов своих у них не емлют, ни всылают к ним ни по что. А ведает и судит монастырских людей игумен сам...* (Акты, № 58). Этот же фактор действует и при употреблении инфинитива: *И впреть мне, Анне, и никому в тот проданный двор не вступатца и о возвращении не битъ челом* (Акты, № 89); *А как мне бог сошлет смерть, и мне то угодые отдати и в Соловецкий же монастырь, и написати имя мое в сенаник и в лето; и оброк платити в Соловецкий же монастырь, да косити мне монастырские пожни на себя* (Акты, № 866) или даже при отсутствии глагольных форм. Во всех таких случаях речь идет о повторяющихся, обычных действиях в будущем.

Проиллюстрируем функционирование подобных разнообразных форм в одном тексте жалованной грамоты XV в.

1441 г. апреля 5. – Жалованная льготная и несудимая грамота в. кн. Василия Васильевича Семену писарю, писанная в Коломне, на с. Приданое.

Се яз, князь великий Василей Васильевич, пожаловал есми Сенку Писаря. Што ево село Приданое в Коломенском уезде и с деревнями, да то де село опустело от татар и от разбоя, люди ся де разошли по иным местом, и кого в том селе и в деревнях посодить своих людей их иных княженей, а не их моей отчины <...>. А кого в то село и в деревни перезовет старожильцов, которые будут люди живали прежде того, ино им на пять лет не надобе моя никоторая дань, тако же ни иная никоторая пошлина. А наместницы моя коломенские и их тиуны к нему в то село и в деревни к тем людям никого им не всылают ни по што, ни кормов не емлют; ни доводицики побора не берут; и не судят их ни в чем, oprичь душегубства; а ведает их и судит своих людей всех Саенко сам, или кому прикажет. <...> А кому будет чего искати на самом Сенке, ино его сужу яз, князь велики, или мой боярин введены. А хто ся сее моей грамоты ослушает, быти от мене в казни. А на сю грамоту ины грамоты нет (Акты, № 70).

Первой формой, которая встречается в тексте этой грамоты XV в., является форма перфекта *пожаловал есми* для фиксации исходной ситуации дарения князем Василием Васильевичем с. Приданое писарю Семену. Это село *опустело от татар и от разбоя, люди ся де разошли по иным местом*, поэтому предписываются налоговые льготы на 15 лет тем, кого Семен *посодить своих людей их иных княженей* – впервые употребляется будущее время. Будущее же время *перезовет* касается и тех жителей, которые раньше жили в селе. Чтобы указать на их проживание в селе прежде, в грамоте используется единственная и, несомненно, уместная в данном контексте форма преждебудущего времени *которые будут люди живали*, усиленная обстоятельством времени *прежде того*. Дальнейшая регламентация жизни жителей села описывается как формами будущего простого времени *всылают, прикажет, будет* и др., так и формами настоящего времени, фиксирующими действия в будущем *емлют, берут, ведает, судит* и др. И один раз после формы простого будущего употребляется инфинитив *быти*:

А хто ся сее мойей грамоты ослушает, быти от мене в казни.

Итак, анализ показал, что для древних юридических кодексов и для договорных грамот XIV–XVII вв. существовали особые режимы интерпретации. Эти тексты свидетельствуют не только о стабильности, клишированности деловой документации, благодаря чему в них гораздо дольше сохраняются формы, считавшиеся утратившимися к этому периоду. В них уже заложен определенный грамматический каркас, позволяющий интерпретировать транспозицию форм без специальных лексических показателей: сама структура текста обуславливает наличие разнообразных форм будущего времени, футуральное прочтение не только форм настоящего времени, но и нефинитных форм глагола. Такая структура, обусловленная спецификой содержания текста, сохраняется и в современных договорах.

Список литературы

Беляева Е. И. Возможность // Бондарко А. В., Беляева Е. И., Бирюлин Л. А., Корди Е. Е., Сильницкий Г. Г., Храковский В. С., Цейтлин С. Н., Шелякин М. А. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность: Моногр. / Под ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1990. С. 126–142.

Бондарко А. В. Реальность / ирреальность и потенциальность // Бондарко А. В., Беляева Е. И., Бирюлин Л. А., Корди Е. Е., Сильницкий Г. Г., Храковский В. С., Цейтлин С. Н., Шелякин М. А. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность: Моногр. / Под ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1990. С. 72–80.

Живов В. Юридические кодексы и режим интерпретации // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст: Сб. ст. в честь Е. В. Падучевой. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 309–329.

Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива: Моногр. М.: Языки рус. культуры, 1996. 464 с.

Тимофеев К. А. О транспозиции временных форм глагола в русском языке // История языка: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1999. С. 3–7.

Храковский В. С. Теоретический анализ условных конструкций // Салим А., Акимова Т. Г., Булатова Н. Я., Вахтин Н. Б. Типология условных конструкций: Моногр. / Под ред. В. С. Храковского. СПб.: Наука, 1998. С. 7–97.

Список словарей

СС – Словарь синонимов русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. Л.: Наука, 1975. Т. 1. 679 с.

МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1997. Т. 1. 699 с.

Список источников

Акты – Акты социально-экономической истории севера России конца XV–XVI в. Л.: Наука, 1990. 328 с.

РП – Русская Правда (Краткая редакция) // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 4. 685 с.

Материал поступил в редколлегию 29.05.2014

I. P. Matkhanova, E. P. Targonskaya

*Novosibirsk State Pedagogical University
28 Vilyuiskaya Str., Novosibirsk, 630126, Russian Federation*

matkhanova@mail.ru, targilena@yandex.ru

MODAL AND TEMPORAL CHARACTERISTICS OF TREATY GENRE IN SYNCHRONY AND DIACHRONY

The article develops the ideas of K. A. Timofeev about the transposition of aspectual and temporal verb forms and the ideas of V. M. Zhivov about the interpretation modes in legal codes.

It was shown in the article how the interpretation mode typical for the legal acts of different chronological periods influence the temporal forms transposition. To make the analysis we chose the texts of modern treaties as well as the fragments of «Russkaya Pravda» and other legal acts of the agreement type dated back to XIV–XVII centuries. We define the specific features of modern treaty genre that has particular grammar «skeleton» with real (potential) mode, temporal sphere referring to the future (no matter what verb forms are being used – the both contracting parties are sure about the fulfillment of the treaty terms). The treaty has the specific reference point for the action mentioned that is the time of its signing. All actions listed in the treaty are to be carried out after that time. The reference point of the treaty interacts with the prototypical reference point of the temporal category, the moment of speech. The special interpretation mode predetermines the selection, dominance and modification of the deictic means of language that include tense and mode.

The current paper outlines the features of forming of such interpretation modes typical for the ancient legal codes and agreement charters of later period. These texts give witness not only to the stability and clichéd character of the business documentation preserved until later time the forms lost in the other types of texts. The texts show building the specific grammar skeleton that enables us to argue about the transposition of aspectual and temporal forms without special lexical markers.

The typical semantic sphere being the environment for expressing the potential mode of real condition in treaty is the sphere of future tense. The modern treaties use the compound and simple forms of future tense, but the usage of present tense forms with the meaning referring to future is the most typical. The other possible forms are the past tense forms with the meaning referring to future and future interpretation of non-finite verb forms. It's noted that the ancient forms of compound future tenses considered as lost keep living and functioning in the genre of treaty. The modern treaties give evidence that the past tense forms have both temporal and taxis functions.

The interpretation mode predetermines the selection of verb forms, their semantic interpretation, transposition as well as the limitations in form usage.

Keywords: genre of treaty, real and potential mode, temporal key of text, interpretation mode, verb forms functioning.